

Данильченко Сергей Леонидович

ИДЕЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ СТАЛИНА И ЛЕНИНА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ключевые слова: новая федерация в форме СССР, децентрализация советской государственности, национально-государственное переустройство, центробежные тенденции, сталинский план «автономизации».

Как отмечает автор данной монографии, задача современного исследователя состоит в том, чтобы выявить особенности и результаты идейных разногласий Сталина и Ленина, преодоление которых позволило избежать децентрализации советской как новой российской государственности. Отбросив в сторону сталинский план, Ленин затеял опасный эксперимент с российской государственностью, что привело к реальной угрозе целостности РСФСР.

Keywords: a new Federation in the form of the USSR, decentralization of the Soviet state, the national-state reorganization, centrifugal tendencies, Stalin's plan for «autonomy».

According to the author the task of the modern researcher is to identify the features and results of ideological differences Stalin and Lenin, the overcoming of which has prevented the decentralization of the Soviet as the new Russian state. Putting aside Stalin's plan, Lenin started a dangerous experiment with the Russian state, which led to a real threat to the integrity of the RSFSR.

После того, как в конце сентября 1922 года Ленин настоял на создании новой федерации в форме СССР, разногласия между централистским крылом партии во главе с И.В. Сталиным и национал-коммунистами типа Мдивани – Раковского вступили в самую острую фазу.

Задача современного исследователя состоит в том, чтобы выявить особенности и результаты этих разногласий, преодоление которых позволило избежать децентрализации новой российской государственности. На данном этапе национально-государственного переустройства Советской России Сталин, сыграл ре-

шающую роль в борьбе с национал-коммунистами, которые стали открыто поддерживать центробежные тенденции в государственном развитии национальных окраин.

Отказ Ленина от сталинского плана «автономизации» породил в партии и государстве весьма гнетущую, неприятную ситуацию. Отбросив в сторону сталинский план, Ленин затеял очередной опасный эксперимент с российской государственностью, в ходе которого не только разгорелась с новой силой борьба централистского крыла партии с национал-коммунистическими радикалами, но и создавалась реальная угроза целостности РСФСР.

Некоторые лидеры российских автономий вполне обоснованно увидели в СССР бестолково-громоздкое государственное образование с неравноправным статусом своих субъектов.

Основные идеи сталинского плана автономизации, в том числе, идея равноправия всех автономий и республик в едином государстве, разделялись одним из самых авторитетных татарских коммунистов М.Х. Султан-Галиевым, который в декабре 1922 года резко выступил против образования СССР в том виде, в котором его задумал Ленин, не зная того, что эта идея исходила от Ленина.

Централистское крыло большевиков во главе с И.В. Сталиным, вынужденное выполнять указание Ленина об образовании СССР, столкнулось не только с новыми притязаниями на независимость от Москвы со стороны радикальных национал-коммунистов Грузии и Украины, но и было вынуждено противостоять российским национал – коммунистам, требовавшим для автономий РСФСР равного с независимыми советскими республиками статуса.

Очередной атаки радикальных национал – коммунистов Украины и Грузии долго ждать не пришлось. Уже 29 сентября 1922 года лидер украинских национал-коммунистов Х.Г. Раковский предписывает секретарю ЦК КП Украины Д.З. Мануильскому сообщить Г.И. Петровскому и М.В. Фрунзе, чтобы по приезду в Москву они отстаивали «нашу точку зрения», сформулированную Раковским достаточно откровенно: «Более всего для нашего революционного воздействия на границу имеет значение сохранение независимости Украины.

Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции, Прикарпатской Руси, Буковины и Бессарабии ориентируются, и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину» [1, с. 120].

Это указание политического руководства Украины было быстро принято к сведению.

3 октября 1922 года Политбюро ЦК КП Украины постановило «категорически высказаться за принятую последним Пленумом ЦК КПУ резолюцию о взаимоотношениях между РСФСР и УССР, признавшую необходимость сохранения независимости УССР» с оговоркой на предмет того, что «если ЦК РКП примет, однако, необходимость вхождения УССР в состав РСФСР, не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР, а определить отношения на основе практической целесообразности» [2, с. 214].

Столь половинчатое решение отражало реальный расклад сил в партийной верхушке Украины. Сепаратистские позиции отстаивали помимо самого Раковского М.В. Фрунзе – заместитель предсовнаркома Украины и командующий ее вооруженными силами и управляющий делами СНК УССР П. Солодуб. Остальные руководители республики легко могли отступить (и отступали в дальнейшем) от «самостийных» позиций под давлением Москвы.

Наиболее организованный оппозиционный блок централистскому крылу партии создали национал-коммунисты Грузии. Почувствовав, что в руководстве партии зреют серьезные разногласия между Лениным и Сталиным, грузинские власти повели тонкую интригу на стравливание этих двух лидеров с целью получения от центра новых политических уступок.

В октябре 1922 года ЦК КП Грузии начал саботировать закавказскую денежную реформу, разработанную наркомом финансов РСФСР Г.Я. Сокольниковым. Суть реформы заключалась в том, чтобы посредством введения единой закавказской денежной единицы – бона, ликвидировать в течение 2-х месяцев все местные денежные знаки. Это было необходимо в силу того, что создание новой федерации автоматически предполагало введение общефедеральной денежной единицы. Промедление в этом деле серьезно вредило налаживанию стабильной

финансовой системы в СССР и негативно сказывалось на внешнеэкономической деятельности государства.

Грузинские национал-коммунисты смотрели на эту проблему иначе. Благодаря бойкой торговле с Турцией и проведением других сомнительных коммерческих операций, им удалось резко повысить курс грузинских денег – в 1922 году грузинский бон в 25 раз превышал покупательскую способность российского рубля.

В Москве знали о таком росте покупательской способности грузинских денег, поэтому решили провести денежную реформу в Закавказье таким образом, чтобы закавказские республики, и в первую очередь Грузия, не пострадали от проводимой реформы.

Для этого 5 октября 1922 году на Пленуме ЦК РКП (б) одновременно с декларированием образования СССР была создана специальная комиссия по проведению закавказской валютной реформы в составе Г. Сокольникова, С. Орджоникидзе и Б. Мдивани.

В этот же день комиссия признала необходимым для поддержания хождения закавказского бона привезти в Закавказье для реализации: «а) 1 миллион 500 тысяч пудов хлеба – к 1-му января 1.000.000 пудов этого числа, а остальные 500 тысяч пудов не позднее 1-го мая... б) не менее 5 млн. аршин мануфактуры с доставкой не позднее 1-го декабря. В тех же целях признается необходимым отпустить в распоряжение Госбанка из золотого фонда РСФСР для проведения валютной реформы 250 тысяч рублей золотом» [3, л. 4].

Даже такие крупные материальные уступки Москвы не удовлетворили грузинских национал – коммунистов за исключением Мдивани. 12 октября 1922 года Пленум ЦК КП Грузии постановил считать преждевременным решением Закавказского крайкома РКП (б) о введении закавказского бона с 25 октября 1922 года.

В решении пленума отчетливо просматривается не только несогласие с конкретным постановлением Заккрайкома, возглавляемого Орджоникидзе, но и

настойчивое стремление грузинских изоляционистов навязать Москве свою точку зрения на проведение денежной реформы.

Пленум ЦК КП Грузии констатировал: «унификация дензнака должна произойти в тот момент, когда денежный знак РСФСР на вольном рынке будет котироваться по курсу высшему или, по крайней мере, равному, чем денежный знак ССРГ»; грузинский бон в 25 раз превышает покупательскую способность российского рубля; «неограниченный прием менее ценных российских дензнаков фактически равносителен уничтожению стабильного и более ценного груззнака. Менее ценный российский дензнак будет фактически заполнять все государственные кассы, а население будет их избегать, что окончательно запутает наши финансы и создаст прямо безвыходное положение» [4, л. 9].

В ответ на этот демарш грузинских национал – коммунистов И. Сталин и С. Орджоникидзе направили в ЦК РКП (б) аналитическую записку «Возможно ли сохранение отдельной валюты в Грузии».

В ней указывалось, что «обмен грузинских рублей на новые закавказские должен быть произведен с выплатой за грузинский рубль по его рыночной покупательной силе. Катастрофы не будет, ибо ничто не мешает излишние количества росрубля отливать из Грузии в Россию в уплату за росстовары. Разрешением такого хождения росрубля по рыночному курсу будет в действительности положен предел политически и экономически недопустимому бойкоту росдензнака, проводящемуся в настоящее время. Этот бойкот имеет своим результатом необходимость для РСФСР в значительной мере оплачивать валютой содержание армии и федеральных учреждений в Грузии и позволяет использовать все выгоды от Батумского порта исключительно в интересах небольшого грузинского рынка. В обоих этих отношениях существовавшее до сих пор положение не может быть сохранено как чрезмерно убыточное для всей федерации» [5, лл. 11–12].

В конечном счете, грузинским национал-коммунистам не удалось сохранить грузинской бон, но, тем не менее, они делали все возможное, чтобы сохранить за собой выгоды от Батумского порта, не признавая при этом приоритет

общегосударственного правительства во всех операциях, связанных с этим стратегически важным портом, через который российская нефть попадала в Европу.

В ноябре 1922 года грузинские власти вновь продемонстрировали свое полное пренебрежение общегосударственными интересами, допустив сдачу в аренду нефтяных резервуаров Батуми англо-американской компании «Стандарт Ойл».

Узнав об этой сделке, И.В. Сталин 29 ноября 1922 года посылает Заккрайкому РКП (б) следующую телеграмму: «Резервуары в Батуми являются собственностью всей федерации, никакие комунхозы не имеют права сдавать их в аренду, да еще таким врагам нашей нефтяной промышленности, как Стандарт Ойл. Цека предлагает Вам: 1) принять все зависящие от вас меры к освобождению резервуаров, незаконно сданных в аренду; 2) разъяснить комунхозу в Батуме недопустимость какого было то ни было вмешательства с его стороны в дело распоряжения резервуарами; 3) разъяснить всем органам Советской власти Закавказья, что все без исключения резервуары остаются в распоряжении Азнефти; 4) расследовать дело о сдаче некоторых резервуаров Стандарт Ойл и примерно наказать виновных; 5) о принятых мерах сообщить...» [6, лл. 1–2].

Непрекращающиеся проявления изоляционизма в среде грузинских национал-коммунистов, местничество своих единоплеменников легко выводило из терпения секретаря Заккрайкома Орджоникидзе – убежденного революционера-интернационалиста, пылкого и эмоционального человека. Грузинские сепаратисты использовали вспыльчивость Орджоникидзе в интриге против централистского крыла партии. Так называемое «грузинское дело» конца 1922 – начала 1923 года явилось изощренной провокацией группы Мдивани не столько против Орджоникидзе, сколько против нейтралистской политики Москвы в целом.

Коллективная отставка ЦК КП Грузии 21 октября 1922 года и последующие многочисленные жалобы членов группы Мдивани на политику Заккрайкома и лично Орджоникидзе совпали с усилением критики национально-государственной политики Москвы со стороны представителей некоторых других республик.

Со стороны украинских национал-коммунистов существование Советского Союза как федерации было поставлено под сомнение.

В декабре 1922 года управляющий делами СНК УССР П. Солодуб попытался юридически обосновать необходимость устройства СССР по конфедеративному принципу в своей статье «Новое в советском строительстве», публикацию которой запретил И.В. Сталин.

В данной статье Солодуб пытался доказать, что СССР содержит 3 юридических признака конфедерации: право добровольного вступления в состав СССР и выхода из него; субъекты за собой все права суверенного государства вплоть до участия в органах технического руководства, что делает их частью верховного органа союза государств; за союзными республиками остается часть прав международной политики – участие их представителей в заграничных представительствах Наркомата иностранных дел и Наркомата внешней торговли.

«Все эти положения, – писал Солодуб, говорят о том, что будущий союз республик будет ничем иным, как конфедерацией стран, ибо субъектами союза являются не области и автономные республики, а суверенные государства, как Россия с ее областями и автономными республиками, конфедерация кавказских республик, Украина и Белоруссия, то есть что в видах более мощного выявления воли народов будущего союза они передают часть своих суверенных прав конфедеральному органу, но с условием, если кому-либо из субъектов будет невыгодно, права выхода из состава конфедерации». Исходя из такого видения СССР, Солодуб предложил разместить конфедеративный ЦИК в Петрограде или Нижнем Новгороде, а также четко определил его функции. По Солодубу конфедеративный ЦИК должен был ведать: изменениями в Конституции; вопросами войны и мира; договорами с иностранными государствами «конфедеративного значения»; внешней торговлей «в части регулирования».

Наркомат путей сообщения, почт и телеграфов, финансов Солодуб предложил «децентрализовать», то есть создать такие же наркоматы во всех республиках, призвав к тому же лишить эти наркоматы «права законодательства по своим

отраслям» и предложив ввести так называемый принцип императивных директив, согласно которому все декреты вышеназванных наркоматов обнародовались от имени законодательных органов союзных республик с тем, чтобы каждый такой декрет являлся «по существу законом республики, а не ведомства» [7, с. 145, 147–149].

Нетрудно догадаться, до какой степени деградации «докатались» бы железнодорожный транспорт, связь и финансы в тех, мягко говоря, неблагоприятных условиях, в которых они пребывали в 1922 году.

Децентрализация управления железнодорожным транспортом, связью и финансами для такой территориально огромной страны, была бы смертельно опасной, поскольку необъятные просторы Советского Союза (как и Российской Империи) могли быть надежно защищены от иностранной военно-политической и экономической интервенции только при условии централизации системы государственного управления, позволяющей оперативно организовывать крупномасштабные железнодорожные перевозки, поддерживать на должном уровне информационные коммуникации и мобильно распоряжаться финансами.

Стратегическое значение имело, прежде всего, сохранение и укрепление централизованной системы управления железнодорожным транспортом, поскольку при отсутствии в начале 1920-х годов полноценной авиации только по железной дороге осуществлялись необходимые перевозки материальных ресурсов, войсковых частей, чиновников и служебной почты.

В начале 1920-х годов Европейская Россия была связана с огромными территориями Сибири и Дальнего Востока только Транссибирской магистралью, что послужило главным аргументом в деле налаживания централизованной системы железных дорог.

Данную систему чрезвычайно высоко оценил английский географ, один из основателей геополитики Х.Д. Маккиндер, который еще в 1904 году писал о том, что «теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют состояние сухопутных держав и нигде они не работают с большей эффективностью как в закры-

тых центральных районах Евро-Азии... Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко небезопасной линией связи, однако, не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской Империи и Монголии столь велики, что здесь, несомненно, разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли» [8, с. 168].

В ходе конкретной работы по созданию новой федерации Москва сталкивалась не только с изоляционистскими и самостийными устремлениями Грузии и Украины, но и со все более растущим недовольством автономий внутри РСФСР.

Это недовольство было вызвано «второсортным», недостаточным статусом этих автономий по сравнению с союзными республиками.

26 декабря 1922 года на заседании коммунистической фракции X Всероссийского съезда Советов представители российских автономий выступили достаточно активно против такого положения дел. Особенно активен был М.Х. Султан-Галиев.

Основная мысль его выступления на X Всероссийском съезде Советов ничем не отличалась от основной идеи сталинского плана «автономизации» – все республики, как в составе РСФСР, так и бывшие «независимые» вступают «как равноправные члены» в РСФСР. Данную позицию Султан-Галиев аргументировал достаточно убедительно: «Чем, скажите, пожалуйста, отличается Туркестанская Советская Республика от Грузинской Республики. Отличается тем, что там в несколько раз больше населения, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской Республики, и кроме того, по своему стратегическому и политическому положению, Туркестан занимает в отношении «независимости», я беру в кавычках это слово, которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное положение, чем Грузия» [9, с. 157].

Выступая против Султан-Галиева, И.В. Сталин оказался в довольно нелепой ситуации – отвергая доводы Султан-Галиева, он «наступал на горло собственной песне», ведь еще совсем недавно Сталин сам настойчиво убеждал Ленина в том,

в чем сейчас убеждает Сталина один из самых авторитетных представителей российских автономий.

Выход из этой ситуации И.В. Сталин нашел. Сначала он обвинил Султан-Галиева в намерении разложить РСФСР, что автоматически якобы вело к созданию русского ЦИКа, русского Совнаркома и русской республики, а затем заявил о том, что «никакой разницы между республиками автономной и независимой я не вижу» [9, с. 166, 169].

Сталин и сам не верил в то, что Султан-Галиев хочет разложить РСФСР. В 1923 году, когда разбиралось дело Султан-Галиева, он не предъявил ему такого обвинения, что было для Сталина нетипично при разоблачении своих политических противников, которым припоминались все допущенные ошибки и отклонения от «генеральной линии».

В декабре 1922 года в дело образования СССР неожиданно вмешался Ленин. В своей статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (30–31 декабря 1922 года) он предложил «новорожденный» Советский Союз оставить лишь «в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» [10, с. 361–362].

Данный тезис означал полный переход Ленина на позиции радикальных национал-коммунистов типа Мдивани и Раковского, которые добивались всемерной децентрализации новой федерации. Ленинское указание «восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» было направлено против власти федерального центра, у которого вышеназванные лица как раз и стремились заполучить в свое полное ведение отраслевые наркоматы.

Немаловажное значение имел тот факт, что в этой статье, предназначенной для огласки на ближайшем съезде партии, Ленин открыто призвал «примерно наказать» Орджоникидзе за допущенное им «рукоприкладство», а «политическую ответственность за всю политику Орджоникидзе в Грузии возложить на Сталина и Дзержинского». Последний возглавлял комиссию ЦК по «грузинскому делу», выводы которой Ленину не понравились [10, с. 361].

Для грузинских изоляционистов эти указания были более чем своевременны. Прикрывшись авторитетом Ленина, они получали возможность диктовать Москве любые условия, обвиняя в случае необходимости в великорусском шовинизме всякого, кто пытался бы указывать на их не интернационалистическое поведение.

С начала 1923 года борьба между централистским крылом партии и радикальными национал-коммунистами накалилась до предела. Самым благоприятным фактором в этой борьбе для И.В. Сталина был все более укрепляющийся его союз с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, которые серьезно опасались притязаний на место нового вождя со стороны Л.Д. Троцкого. Ослабление позиций генсека было невыгодно Зиновьеву и Каменеву потому, что оно усиливало позиции Троцкого. Поэтому, Политбюро выступило достаточно сплоченно на стороне И. Сталина и его протеже С. Орджоникидзе против грузинского ЦК КП.

Еще в конце октября 1922 года, когда грузинский ЦК фактически поставил перед Москвой ультиматум: или мы или Орджоникидзе, Каменев и Бухарин посоветовали грузинским товарищам прекратить склоку: «Из нашего выступления против великорусского национализма отнюдь не следовала защита грузинского национализма. Вы должны знать, что постановление пленума о вхождении в Союз Закавказской Федерации должна быть точно выполнено и может быть вновь рассмотрено лишь новым пленумом, если он того захочет...» [11, с. 130].

25 января 1923 года Политбюро ЦК РКП (б) нанесло сокрушительный удар по грузинским национал-коммунистам. Своим решением оно перевело на работу за пределы Грузии их главных лидеров – Мдивани, Махарадзе, Кавтарадзе и Цинцадзе. Это решение было принято исходя из рекомендаций комиссии ЦК по «грузинскому делу» под председательством Дзержинского, что означало демонстративное игнорирование Политбюро мнения Ленина о работе данной комиссии и роли в ней самого Дзержинского [12, с. 148].

Днем раньше, 24 января, словно предчувствуя такое развитие событий, Ленин создает свою личную комиссию по расследованию «грузинского дела», в которую вошли самые приближенные в то время к нему люди – личные секретари

Мария Игнатьевна Гляссер, Лидия Александровна Фотиева и управляющий делами СНК и СТО СССР Николай Петрович Горбунов.

В задачу комиссии Гляссер, Фотиевой и Горбунова входило не столько объективное расследование «грузинского дела», сколько тенденциозный подбор документов для дискредитации комиссии Дзержинского. Об этом в январе 1924 года М.И. Гляссер прямо сообщила в своем письме Бухарину: «Он (то есть Ленин – С.Д.) имел уже свое предвзятое мнение, нашей работой буквально руководил и страшно волновался, что мы не сумеем доказать в своем докладе то, что ему надо и он не успеет до съезда подготовить свое выступление. Вместе с тем, он взял с нас слово держать все в строжайшей тайне до окончания работы и ничего не говорить об его статье. Именно потому, что он был болен и страшно подозрителен – ему все время казалось, что с ним уже не считаются (я так думаю), обмануть его доверие было для нас невыносимо» [12, с. 163].

Свою задачу комиссия Гляссер, Фотиевой и Горбунова выполнила, собрав солидный компромат на Орджоникидзе. Показателен тот факт, что в своем докладе Ленину комиссия акцентировала внимание исключительно на доносах на Орджоникидзе из Грузии, не представила никаких документов, свидетельствующих о серьезных изоляционистских тенденциях в грузинской партийно-государственной верхушке, не приняла во внимание объяснения самого Орджоникидзе.

Весьма характерен главный вывод комиссии, сформулированный под стремление Ленина сделать ответственными за «грузинское дело» Орджоникидзе, Сталина и Дзержинского. Сообщив Ленину о том, что в своих речах Орджоникидзе нередко ссылаясь на высказывание Сталина о том, что на Кавказе надо «выжигать остатки национализма», члены комиссии писали: «Тактика каленого железа скатывается в своих крайних проявлениях до площадной ругани и на партийных собраниях, шельмования, травли и запугиваний. Комиссия (Дзержинского – С.Д.) не занялась проверкой и рассмотрением имеющихся в ее материалах многочисленных заявлений по этому поводу и не придала им должного значения. Комиссия не ответила на вопрос, правильны ли были эти приемы

борьбы и не они ли сыграли решающую роль в доведении компартии Грузии до ее современного состояния» [9, л. 73].

Гляссер, Фотиева и Горбунов понимали, какие документы необходимо собрать и прокомментировать в ленинском стиле и понимании сложившейся проблемы. Поэтому в своем докладе они не упомянули о заявлении в ЦКК РКП (б) А.И. Рыкова – заместителя Ленина по Совнаркому, который был очевидцем ссоры Орджоникидзе с одним из грузинских коммунистов неким А. Кабахидзе. Подробно описав ссору, которую начал Кабахидзе, обвинивший Орджоникидзе в том, что он кормит за казенный счет какую-то лошадь, Рыков писал далее, что «Орджоникидзе был прав, когда истолковал как жестокое личное оскорбление те упеки, которые ему сделал товарищ Кабахидзе» [9, лл. 43–43 об.].

Анализировать заявление Рыкова никто из членов ленинской комиссии и не собирався, поскольку оно ярко свидетельствовало о том, что грузинские национал-коммунисты попросту спровоцировали Орджоникидзе на драку с тем, чтобы добиться его «выдворения» из Закавказья и укрепить этим свои позиции.

Вооружившись необходимым компроматом против Орджоникидзе, Сталина и Дзержинского, Ленин, как известно, открыто встал на сторону группы Мдивани, послав им 6 марта 1923 года следующую телеграмму: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь» [13, с. 330].

Днем раньше, 5 марта, Ленин попросил «взять на себя защиту грузинского дела» Троцкого [13, с. 329].

Попытка Ленина выступить в защиту грузинских национал-коммунистов на ближайшем съезде партии имела бы далеко идущие последствия, как для СССР, так и для личной карьеры И.В. Сталина.

Попав под влияние грузинских радикалов, Ленин, несомненно, был бы готов идти на все те уступки по отношению к ним, на которые Сталин и Орджоникидзе не шли и не могли пойти. СССР, еще не успев встать на ноги, начал бы подвергаться децентрализации и перетряске, в ходе которых центральная власть все более ослабевала.

В личном плане И.В. Сталин вообще рисковал лишиться своих высоких постов, поскольку из-за инцидента с Н.К. Крупской в конце 1922 года разъяренный Ленин намеривался сместить его с поста генсека, чему с радостью на съезде партии поспособствовали бы и Троцкий, и грузинские «товарищи».

Но развитие событий пошло в русле политики централистского крыла партии во главе со Сталиным. Ленин, обещавший поддержку группе Мдивани, вновь был поражен приступом тяжелой болезни, от которого он так и не смог оправиться, а Троцкий не проявил должного рвения в защите «грузинского дела». Все его участие в этом деле свелось к поправкам к тезисам Сталина по национальному вопросу и в написании статьи «Мысли о партии. Национальный вопрос и воспитание партийной молодежи».

Основная мысль поправок Троцкого к тезисам Сталина по национальному вопросу, которые готовились к 12-у съезду партии, не блистала оригинальностью. Он предлагал особо отметить опасность великодержавного шовинизма, на что И.В. Сталин охотно согласился, сообщив Троцкому о том, что он намерен подчеркнуть и опасность националистических уклонов, и не встретил на это никаких возражений [9, с. 185–186].

20 марта 1923 года «Правда» напечатала статью Троцкого по национальному вопросу. Статья претендовала на руководящие указания ЦК по национальным проблемам. Чего только стоило высказывание Троцкого о том, что «в области национального вопроса партия в целом нуждается, несомненно, в повторительном курсе, а молодежь – и в первоначальном». Однако в целом статья не несла никаких новых конкретных идей и представляла собой набор банальных заклинаний типа: «Мы впали бы в глубокое самообольщение, если бы возомнили, будто национальный вопрос уже разрешен нами»; «разрешить национальный вопрос можно только обеспечив за всеми нациями возможность ничем нестесненного приобщения к мировой культуре – на том языке, который данная нация считает своим родным языком»; «чувство национальной обиды у малых и угнетенных ранее наций накоплялось десятилетиями» [21, 20 марта].

Подобные указания и опасения высказывали еще раньше Троцкого как руководители партии (неоднократно это делал Сталин), так и деятели меньшего ранга.

Троцкий понимал, что его статья не является чем-то из ряда вон выходящим, поэтому 1 апреля 1923 года он обратился к Бухарину с просьбой «написать статью по национальному вопросу до партсъезда и не беглую, а основательную статью...необходимо пустить в оборот основной капитал партии по национальному вопросу» [12, с. 155].

Бухарин проигнорировал эту просьбу. Единственной реальной попыткой Троцкого исполнить поручение Ленина по «грузинскому делу» было его предложение на заседании Пленума ЦК РКП (б) 31 марта 1923 года о снятии Орджоникидзе с должности секретаря Заккрайкома РКП (б), но это предложение было отклонено [13, с. 154].

Накануне и в ходе 12-го съезда группа Мдивани попыталась сделать несколько шагов в сторону сближения с Троцким. Его статью в «Правде» о национальном вопросе сторонники Мдивани рассматривали как определенную моральную поддержку в борьбе с «великодержавным уклоном» в партии.

В апреле 1923 года на страницах «Правды» грузинские национал-коммунисты начали активную кампанию против Орджоникидзе и, соответственно, против его покровителя Сталина. Дополнительным стимулом к проведению такой кампании было выступление Троцкого на VII Всеукраинской партконференции 5 апреля 1923 года. В выступлении он явно намекал на то, что проводимая Политбюро и главным образом Сталиным национальная политика, вызывает неприятие Ленина, о чем большинство партии не знало и не должно было знать. Троцкий специально отметил тот факт, что широкое обсуждение национального вопроса – инициатива Ленина, который «накануне своего заболевания бил по этому вопросу тревогу, опасаясь как бы в этом вопросе... ..не были совершены серьезные ошибки» [14, 12 апреля].

Группа Мдивани начала активно инициировать подобные опасения. Так, В. Квиркелия, озвучивший в партийной печати стремление Грузии войти в состав СССР в качестве союзной республики, а не в качестве субъекта Закавказской Федерации, начинал свою статью в «Правде» от 20 марта 1923 года: «В области национального вопроса партия в целом нуждается, несомненно, в повторительном курсе, а молодежь – и в первоначальном». Эти слова Троцкого Квиркелия назвал «золотыми», после чего стал доказывать то, что Сталин совершил «большую ошибку», когда в своих тезисах по национальному вопросу, подготовленных к 12-му съезду партии, «указывая на шовинизм национальностей Грузии и Азербайджана, направленный против армян, случайно, очевидно, упускает из виду шовинизм армянский, направленный против мусульман вообще, и, в частности, против азербайджанцев и против Грузии» [14, 15 апреля].

Более резкий характер по отношению к централистскому крылу партии носила статья председателя ЦИК Грузии Филиппа Исеевича Махарадзе с претенциозным названием «Надо разобраться».

Автор статьи, процитировав вышеизложенный нами отрывок из выступления Троцкого на УП Всеукраинской партконференции, высказал свое неудовольствие тем, что в одном номере газеты «Правда» наряду с этим отрывком была опубликована также статья Орджоникидзе «Наша национальная политика в Закавказье».

Неудовольствие Махарадзе выразил из-за того, что Орджоникидзе, по его мнению, не смог проводить в Закавказье сбалансированной национальной политики, поскольку сводил эту политику «лишь к одним «объединениям», да «аннулированиям». Кроме того, Махарадзе открыто провоцировал Орджоникидзе на новые непродуманные поступки типа инцидента с А. Кабахидзе, заявив в своей статье о том, что «всем хорошо известно, что именно товарищ Орджоникидзе подал впервые мысль об автономизации независимых республик и опять против этого проекта высказывалась опять-таки та же самая «группа» грузинских товарищей, которую так недолго любит товарищ Орджоникидзе» [14, 19 апреля].

Справедливости ради, следует заметить, что Орджоникидзе не раз сам давал поводы для подобной критики, проводя централистскую политику в Закавказье в очень жесткой манере. Даже Сталину приходилось порой сдерживать не в меру ретивого Серго.

21 марта 1923 года Сталин направляет Орджоникидзе следующую телеграмму: «Я узнал от Куйбышева и Каменева, что при организации Закреспублик Зак.СНК отобрал у национальных СНК почти все комиссариаты, кроме пяти или шести бытовых. Я считаю эту комбинацию вместе с Каменевым и Куйбышевым неправильной и незаконной. Федерацию Закреспублик надо оставить так, чтобы у национальных СНК остались кроме шести бытовых еще пять хозяйственных вместе с РКИ. Нельзя ставить национальные республики Закавказья в худшее положение, чем Крымскую или Якутскую. Эту ошибку надо исправить обязательно и немедленно. Сталин» [15, лл. 1–2].

Накануне 12-го партсъезда нейтралистское крыло партии атаковали и украинские национал-коммунисты.

24 февраля 1923 года М.В. Фрунзе предложил Пленуму ЦК РКП (б) под видом практического осуществления решений 1-го съезда Советов СССР «признать необходимым пересмотр статей союзного договора в части, касающейся финансов (бюджет, займы) в направлении расширения бюджетных прав союзных республик в форме предоставления им права финансовой инициативы и заключения займов» и настаивал на расширении прав союзных республик в деле заключения концессионных договоров [16, л. 3].

Добиваясь от Москвы подобных уступок, украинские национал-коммунисты стремились к максимальной экономической независимости Украины от России. При этом, как и грузинские власти, украинская сторона всячески игнорировала интересы общефедеральных структур, стремясь переложить на федеральный центр все проблемы, связанные с финансированием этих структур.

Показателен в этом плане следующий факт. В августе 1922 года Пленум ЦК РКП (б) обсуждал вопрос о финансировании частей Красной Армии, размещенных в союзных республиках за счет средств местного бюджета. Пленум принял

решение, обязывающее республики «производить расходы по квартирному довольствию... за счет местных средств и не допускать никаких уклонений от этой обязанности». Выдача дотаций республикам оговаривалась «фактическим выполнением местными органами власти, возложенных на них части забот по Красной армии». При обсуждении этого вопроса Раковский заявил о том, что «без соответствующего увеличения дотационного фонда Украины, мы не в состоянии покрыть расходы на расквартирование армии» [17, лл. 3, 6].

Подобные отговорки были следствием усиливающихся центробежных тенденций на Украине. Когда Раковский начал активно выступать за сохранение в республиках наркоматов иностранных дел и внешней торговли, он не жаловался на отсутствие на Украине средств на содержание этих наркоматов.

На 12-м съезде РКП (б) обсуждение национальных проблем было столь острым и основательным, что съезду пришлось создать специальную секцию по национальному вопросу. Эта секция была создана под давлением делегатов с мест, поставивших перед центральной властью ряд серьезных требований о расширении властных полномочий местных органов власти. Наибольшую активность проявили Раковский, Мдивани и Султан-Галиев.

Раковский ультимативно потребовал «отнять от союзных комиссариатов 9/10 их прав и передать их национальным республикам», мотивируя это требование тем обстоятельством, что «центральные синдикаты, тресты стараются уничтожить развитие местных предприятий и кооперативов... ..идет борьба за сосредоточение богатств всех республик в руках центральных органов» [18, с. 172; 21].

Мдивани основательно подготовился к своему выступлению на съезде. Он предложил следующую модель государственного устройства: в СССР входят все республики, и бывшие независимые и автономные, на равных правах по принципу пропорционального представительства; общефедеральный ЦИК избирается не на общем съезде Советов, а на съездах Советов в самих республиках; вместо деления наркоматов на союзные, союзно-республиканские и республиканские вводятся два типа комиссариатов – союзные и республиканские (за ис-

ключением союзно-республиканского наркомата финансов); Красная Армия создается «на началах, обеспечивающих образование отдельных национальных армий и частей» [19, с. 173; с. 155–156].

Султан-Галиев солидаризировался с предложением Мдивани о вхождении в СССР только самих республик и областей, резко выступив против вхождения в Союз федеративных единиц РСФСР и ЗСФСР. «Если мы, – говорил Султан-Галиев, – внутри Союза Советских Республик сохраняем принцип федерирования отдельных национальных частей этого Союза, то есть, допускаем это для Закавказья, почему мы не должны допустить это в отношении, других частей, допустим Туркестана, Киргизии, Башкирии, Бухары и так далее». Кроме того, Султан-Галиев запальчиво заявил, что «местный национализм есть проявление борьбы против... великодержавного шовинизма, это не национализм, а это просто борьба с проявлением великодержавного шовинизма» [20, с. 162].

Однако единого оппозиционного блока против централистского крыла партии во главе со И.В. Сталиным национал-коммунисты на 12-м съезде РКП (б) создать не смогли, что во многом предопределило их поражение.

Более того, между украинской и грузинской делегациями возникла размолвка. Украинских национал-коммунистов не устраивал столь, в общем-то, умеренный план реорганизации СССР, который предложил Мдивани. М.В. Фрунзе заявил о том, что план Мдивани грешит «игнорированием разнообразия экономических и других условий, в которых живут различные национальности. Получается шаблонно-бюрократический подход, о недопустимости которого говорил товарищ Ленин» [21, с. 178].

Несовпадение целей Грузии и Украины в вопросе об образовании СССР сделало невозможным объединение групп Мдивани и Раковского против Сталина и его сторонников.

Атаки национал-коммунистов на политическую линию И.В. Сталина оказались малоэффективны еще и потому, что Каменев и Зиновьев продемонстрировали съезду свою полную поддержку генсеку. Каменев сразу же прервал выступ-

ление Мдивани, когда он начал зачитывать фрагменты из статьи Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», поскольку президиум съезда принял решение обсудить эту статью по делегациям. Каменев отчитал Мдивани следующим образом: «Товарищ Мдивани, нужно слушаться председателя. Вы сами решили, что письма эти будут сообщены делегациям и здесь публиковаться не будут. Мдивани: «Я не публикую, я только места цитирую». Каменев: «Сумма мест и есть опубликование. Если вы намерены придерживаться нашего общего решения, которое принято в интересах партии, то я просил бы воздержаться от действительного опубликования того, что мы решили не публиковать» [22, с. 496–497].

Одергивание Мдивани должно было показать наиболее зарывающимся делегатам, что Каменев и Зиновьев не собираются «сдавать» Сталина. Несмотря на сохранившуюся почтительную риторику в адрес Ленина, «тройка» Зиновьев-Каменев-Сталин твердо продемонстрировала своё единство, непоколебимое критическими выпадами Ленина в статье против Сталина.

Более того, делегатам дали ясно понять, что «тройка» уверенно правит партией и государством, полагаясь на свои силы и опыт, а не на указания тяжело больного Ленина. Об этом делегатам 12-го съезда намекнул секретарь ВЦИК Авель Енукидзе, в то время один из самых приближенных к Сталину людей.

В своем выступлении он заявил о том, что «товарищ Мдивани в своей речи хотел создать впечатление, что товарищ Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику (Бухарин: «Конечно с этой целью!»). Не с этой целью товарищ Бухарин... ..Большая часть известного вам письма товарища Ленина посвящена общим вопросам нашей национальной политики и против этих общих мыслей ни товарищ Сталин, ни товарищ Орджоникидзе, конечно, не возражали. Что касается частных вопросов, затронутых в письме, ...то, мне кажется, товарищ Ленин сделался жертвой неправильной информации. Когда к человеку, по болезни не имеющему возможности следить за повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и

таких-то товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и так далее, он, конечно, должен критиковать в этом письме товарища Орджоникидзе... Зачем впутывать вопрос об инциденте товарища Орджоникидзе с одним из товарищей, который не был замешан в борьбе между уклонистами и Закрайкомом, в вопросы, затронутые товарищем Лениным?» [22, с. 589–590].

Разногласия между украинскими и грузинскими национал-коммунистами по вопросу об образовании СССР, поддержка Каменева и Зиновьева, а также поддержка ряда партийных руководителей с мест, например, Микояна и Орджоникидзе, позволили И.В. Сталину успешно защищать свои позиции.

В своем докладе «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве» он подверг основательной критике группу Мдивани. Сталин постарался не упустить ничего, припомнив грузинским национал-уклонистам и дискриминационные меры против армянского населения Тифлиса, и попытку изолировать Грузию от России, Армении и Азербайджана установлением пограничных кордонов, и устойчивое намерение грузинских «товарищей» использовать все выгоды от Батумского порта в своих целях. В конечном счете, Сталин предложил усилить борьбу против «грузинского шовинизма», укреплять Закавказскую федерацию [23, с. 253–256].

На заседании секции 12-го съезда по национальному вопросу И.В. Сталин не был столь суров и категоричен, как на пленарном заседании съезда. Сосредоточив внимание представителей республик на необходимости образования в ЦИКе новой палаты – Совета национальностей, он демонстрировал националам свою готовность идти им навстречу по ряду вопросов. Так, если раньше Сталин отрицательно оценивал перспективу образования в республиках собственных вооруженных сил, то теперь он предлагал «начать формирование национальных частей», выразив надежду в том, что если «через два-три года мы уведем русские войска и на девять десятых недовольства против русского шовинизма не будет» [20, с. 172].

И.В. Сталин довольно горячо оспаривал идеи Мдивани и Султан-Галиева, тем не менее, он решил несколько разрядить накаленную атмосферу собрания,

заявив о возможности реализации некоторых идей вышеназванных деятелей: «...если практика покажет, что надо раздробить РСФСР – раздробим, и нечего забегать вперед. Вы сами знаете, что торопливость вещь плохая» [20, с.172].

Готовность к компромиссу и конструктивному диалогу с представителями республик Сталин проявил и при обсуждении резолюции съезда по национальному вопросу. Так, он поддержал два предложения М.В. Фрунзе. В первом предложении речь шла о необходимости решительной борьбы с разговорами «о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов»; второе предложение касалось проблемы создания на окраинах промышленных очагов и кадров местного пролетариата» [24, с. 159–162].

Подобное гибкое поведение позволило И.В. Сталину без особого труда провести свои предложения по созданию палаты национальностей в ЦИКе, против чего активно выступал Раковский и его соратники. М.В. Фрунзе заявил, что поскольку в палате национальностей РСФСР будет занимать больше всего мест, «Белоруссия и Украина будут в невыгодном положении», особенно при распределении материальных средств, надо обеспечить равное количество мест в палате для субъектов СССР. Раковский предложил, чтобы в палате национальностей «ни одно из государственных образований» не имело «больше 2/6 голосов» [24, с. 169–170].

Критикуя эти предложения, Сталин умело играл на самолюбии функционеров российских автономий, заявляя, что «Раковский предлагает построить вторую палату так, чтобы туда входили представители государственных объединений. Он считает, что Украина есть государственное объединение, а Башкирия нет. Почему? Ведь мы совнаркомы в республиках не уничтожаем. Разве ЦИК башкирский не есть государственное учреждение?» [23, с. 277].

Такие заявления льстили представителям российских автономий, поддержавших, в конечном счете, И.В. Сталина по вопросу о создании палаты национальностей именно в сталинской трактовке.

Кроме того, нейтрализация всех предложений Раковского на съезде была достигнута Сталиным благодаря тому, что он сумел в негативном ключе представить

особую роль Украины в мировом революционном процессе. Раковский намеревался сохранить независимость Украины для усиления ее «революционного воздействия на границу». Напомнив делегатам съезда, что «мы под Варшавой потерпели неудачу», И.В. Сталин убедил собравшихся в том, что «восточные народы, органически связанные с Китаем, с Индией, ... важны для революции, прежде всего. Удельный вес этих маленьких народностей стоит гораздо выше, чем удельный вес Украины» и поэтому всякие призывы Раковского повернуться лицом не только к Востоку, но и Западу безосновательны [23, с. 236–237; 276–278]. Большинство съезда и в этом вопросе поддержало Сталина.

12-й съезд ознаменовался победой централистского крыла партии во главе с И.В. Сталиным над радикальными национал-уклонистами, но реальное положение дел в национально-государственном строительстве кардинально не изменилось.

СССР как государственное образование находился в юридически неопределенном и политически нестабильном состоянии, будучи, по существу, продекларированным, а не реальным государством.

Данной ситуацией стремились воспользоваться украинские национал-коммунисты во главе с Раковским.

В июне 1923 года на 4-м совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей группа Раковского предприняла еще одну отчаянную попытку превращения СССР в конфедеративное государство. Вскоре после 12-го партсъезда для этого представился благоприятный момент – централисты во главе со Сталиным получили весьма неприятный, во многих отношениях, «сюрприз»- дело М.Х. Султан-Галиева.

4 мая 1923 года Султан-Галиев был исключен из партии и арестован ГПУ по обвинению в попытке создания националистической организации. Поводы для такого обвинения Султан-Галиев действительно создал сам, вступив в конспиративные контакты с иранскими и турецкими коммунистами, а также бывшим командующим Башкирским войском З. Валидовым, который в 1920 году перешел на сторону басмаческого движения.

В своих показаниях на следствии Султан-Галиев признал, что на эти контакты он пошел для проведения своей политики на Востоке, «не согласованной с работой совправительства и линией ЦК РКП и Коминтерна», и сам попросил расстрелять его [25, с. 15–20].

Что же толкнуло Султан-Галиева на такую опасную политическую игру за спиной партийного руководства, правительства и Коминтерна?

В основе этой игры лежали геополитические планы Султан-Галиева по отношению к Востоку, которые, в конечном счете, его и погубили.

В своем письме от 19 мая 1923 года на имя Сталина и Троцкого, а также адресованном и членам ЦКК РКП (б), Султан-Галиев достаточно эмоционально поведал о своих геополитических планах относительно не только советского Востока, но и некоторых стран зарубежной Азии.

Главным средством решения всех проблем Средней Азии он считал необходимость создания Туркестанской Федерации с предоставлением ей «элементарнейших основ государственности». Такое требование со стороны Султан-Галиева было вполне логичным и обоснованным, так как и на 12-партсъезде, и раньше принимались решения, подтверждающие право на вхождение в СССР не только отдельных республик, но и федеративных образований – РСФСР и ЗСФСР.

Личные идеи Султан-Галиева отражали весьма опасные для Советского Союза геополитические последствия. Речь идет, прежде всего, об идее создания гипотетического государства Туран. Это государство, по мнению Султан-Галиева, должно было пробудить революционную активность народов зарубежного Востока, стать «бикфордовым шнуром» для революционного взрыва в Афганистане и Иране. Султан-Галиев мыслил Туран государством из тюрских территорий Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, а также из «тюрских частей Афганистана и Персии». Он искренне верил в то, что в образовании такого государства «ничего страшного» для мировой революции нет [26, с. 79–80].

Если Султан-Галиев не видел «ничего страшного» в создании Турана, который в перспективе должен был фактически аннексировать часть территории Афганистана и Ирана, то большевистское руководство думало совершенно иначе.

Взяв курс на установление дипломатических, добрососедских отношений с Турцией, Ираном и Афганистаном, руководство РКП (б) отказалось вести в этих странах такую же подрывную коминтерновскую деятельность, какую оно вело в Европе.

В 1921 году большевики перестали поддерживать так называемую дженгелийскую революцию (дженгель в переводе с персидского – лес), которая началась в северной иранской провинции Гилян еще в 1914 году.

В 1920 году персидским революционерам начали оказывать интенсивную помощь председатель Кавбюро РКП (б) Г.К. Орджоникидзе и командующий Волжско-Каспийской флотилией Ф.Ф. Раскольников. После того, как оба эти деятеля привезли в Гилян половину состава созданного в Баку ЦК КП Ирана, возглавляемого почему-то армянином Аветисом Микаеляном, принявшего псевдоним Султан-Заде, лидер дженгелийцев Мирза Кучек-Хан отказался от сотрудничества с большевиками.

В результате наспех сколоченные Орджоникидзе и Раскольниковыми части Персидской Красной Армии и войска Кучек-Хана стали воевать против шахских и английских войск по отдельности и вскоре потерпели поражение [27, 18 июля].

Орджоникидзе продолжал готовить новое вторжение в Иран, что в конце концов переполнило чашу терпения наркома иностранных дел Чичерина. 21 июля 1921 года он телеграфировал Политбюро ЦК РКП (б) о том, что в Ташкент прибыл из Баку представитель особой персидской бригады с каким-то специальным назначением, что совершенно недопустимо, поскольку «мы заключили с Персией договор и соблюдаем с ней дружественные отношения... Предлагаю дополнительно, чтобы Центральный Комитет предписал товарищу Орджоникидзе и всем партийным организациям и учреждениям не допускать вербовок для вооруженных вторжений в Персию или военных действий на персидской территории». 25 июля Политбюро постановило «принять предложение товарища Чичерина» [28, с. 180–181].

Это решение обрекло на гибель Кучек-Хана и его движение. Нам удалось выяснить подробности, подавления дженгелийской революции из «Обзора революционных событий в Персии с 1914 по 1922 годы», составленного одним из ближайших соратников Кучек-Хана Хаджи Аямедом (Кибрит-Ханом).

Автор обзора писал о том, что когда в июле 1921 года он приехал в Тифлис, то «во время беседы с товарищем Орджоникидзе выяснилось, что Советская Россия теперь держится иной тактики и что персидским революционерам и персидской революции помощь оказана не будет... После возвращения красных войск и многих товарищей из Персии в Баку, персидские правительственные силы наступили (так в тексте – С. Д.) на Кучек-Хана. Во время боев Кучек-Хан был убит, многие его товарищи сдались в плен... это был конец Дженгельской революции». Рассказав о том, что в феврале и мае 1922 года оставшиеся в живых соратники дважды поднимали восстания, Хаджи-Аямед писал далее о том, что и эти восстания были подавлены, поскольку «персидские революционеры лишены всякой моральной поддержки и возможности приобрести достаточное количество оружия» [29, лл. 5, 6 об.].

На отсутствие помощи Советской России сетовала и Иранская компартия. В докладе южного бюро Иранской КП на 4-м конгрессе Коминтерна от 15 мая 1922 года отмечалось, что газета иранских коммунистов «Хагикет» («Правда») не получает никаких субсидий извне и высказывалась просьба к большевикам поддержать компартию Ирана «средствами и бумагой» [30, л. 4 об.].

Нежелание большевиков портить дружественные отношения с шахским Ираном из-за авантюрных инициатив тюркских коммунистов типа Султан-Галиева прослеживается и дальше. 15 января 1925 года Политбюро ЦК РКП (б) блокировало вопрос о создании младо-туркменской партии в Иране, считая эту акцию «в данный момент нецелесообразной» [31, л. 2].

Отказ от активной подрывной деятельности в Иране, Турции и Афганистане был важной составной частью внешней политики большевиков на Востоке.

Именно официальное признание суверенности этих государств со стороны России сделало их благоприятными партнерами нашей страны, что очень раздражало Великобританию.

Известный русский военный историк, выдающийся геостратег, прошедший много лет в Азии, Андрей Евгеньевич Снесарев положительно расценивал установление дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном, отметив, что это сближение, от которого совершенно напрасно отказалась после 1907 года царская Россия, ослабило влияние Англии в Средней Азии [32, с. 46].

При изменившейся политике большевистского руководства чистка коммунистических кадров на советском Востоке была неизбежна. Поэтому Султан-Галиев с идеей Турана и со своими конспиративными контактами с турецкими, иранскими коммунистами, лидером басмачества З. Валидовым, дал Политбюро прекрасный повод очистить ряды партии от «панисламистских» и «пантюркистских» элементов. Используя эти элементы в борьбе против Белого движения и интервенции, партийное руководство больше не нуждалось в таких людях, как Султан-Галиев, претендовавших играть главные роли в восточных делах Москвы.

Это очень явно вырисовывается из темпераментного выступления Г.К. Орджоникидзе на 4-м совещании ЦК РКП (б) с представителями национальных республик: «Я говорил с товарищем Каменевым, он сказал, что Султан-Галиев под Казанью сражался в наших рядах, готовил отряды против Колчака. Мне решительно это ничего не говорит, потому что каждый прогрессивный мусульманин-интеллигент пойдет против черной реакции Колчака, так как она неприемлема для мусульманина-интеллигента... Участие того или другого мусульманского интеллигента в борьбе против реакции... ничего еще не доказывает. Это не значит быть коммунистом. Это значит быть только попутчиком нашим. Должен, кстати, указать на такой пример: в азербайджанской мусульманско-учительской семинарии учащиеся носили в первый год советизации Азербайджана значки-портреты Мустафы Кемаля – не Нариманова, а Мустафы Кемаля. Мне кажется,

что тот блок, который был между нами, турецкими офицерами в мусульманских районах и частью мусульманской интеллигенции, направленный против англичан и их ставленников, не может продолжаться. Турецкие представители очень часто заявляли, что мы вам, большевикам, дали возможность советизировать Азербайджан, Туркестан, Дагестан. Султан-Галиев, мне кажется, является одним из тех интеллигентов туркофилов, интеллигентов панисламистов, пантюркистов, которые вообще не приемлют Советской власти, как бы ни была правильна наша национальная политика» [25, с. 55–56].

Чрезмерная самостоятельность коммунистов Востока, квалифицированная как «панисламизм» и «пантюркизм», начала беспокоить И.В. Сталина еще в 1920 году.

В августе 1920 года именно по его инициативе санкционировались: замена мусульманского коммунистического бюро в Туркестане краевым партийным комитетом; роспуск центральной мусульманской военной коллегии, во главе которой стоял Султан-Галиев, имевший право назначения и смещения командиров мусульманских частей; изменение конституции Туркестана, посягающий на властные полномочия общецентрального центра [33, л. 2].

На 4-м совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей Сталин делал резкие выпады против Султан-Галиева, но большую часть своих выступлений посвятил изложению конкретных мер оздоровления общей ситуации на окраинах.

И.В. Сталин сулил окраинам объемный перечень намеченных к исполнению мероприятий: немедленное создание национальных войсковых формирований, помощь в усилении ирригационных работ, помощь в становлении кооперации, в предоставлении населению доступного сельскохозяйственного кредита и т. д.

Без особых оговорок Сталин принимал предложения и поправки от коммунистов окраин, в том числе поправку, облегчающую вступление в партию и выдвижение на руководящие должности «пролетарских и полупролетарских элементов национальных республик», а также предложения по созданию фонда на

издательские нужды республик и на включение в государственный бюджет школ первой ступени [25, с. 264–265].

Рассчитывая заручиться большей степенью доверия у участников совещания, И.В. Сталин предложил освободить Султан-Галиева из тюрьмы и использовать его на советской работе: «Чем он хуже тех октябристских элементов из национальной интеллигенции, которые у нас в советских аппаратах сидят в восточных республиках? ... Человек признался во всех своих грехах и раскаялся. Из партии он изгнан и в партию, конечно, не вернется. Для чего же его держать в тюрьме?» Но участники совещания реагировали на это предложение репликами типа «Он теперь не свой», «Не надо освобождать» [25, с. 85–86].

Помимо дела Султан-Галиева на данном совещании проходило обсуждение модели государственного устройства СССР.

Централистское крыло партии вновь столкнулось с группой Раковского, ратовавшей за конфедеративное государство.

Проинформировав совещание о том, что ЦК КП Украины приняло решение «добиваться расширения прав отдельных республик», Раковский огласил украинский вариант устройства СССР, согласно которому наркоматы иностранных дел и внешней торговли из союзных переводились в союзно-республиканские, а наркоматы продовольствия, труда и Рабоче-крестьянской Инспекции из союзно-республиканских в республиканские [25, с. 108].

Факт изъятия внешней политики и внешней торговли из сферы общесоюзного правительства убедительно свидетельствует о конфедералистских взглядах Раковского. Данное исследовательское убеждение сформировалось не только на основании вышеприведенного факта, а при сравнительно-сопоставительном анализе последнего с действиями украинской делегации на Генуэзской конференции, со статьей управляющего делами СНК УССР П. Солодуба, письмом самого Раковского к Д.З. Мануильскому, т.е. со всеми теми фактами, которые безапелляционно свидетельствовали о твердом намерении группы Раковского сделать Советскую Украину независимым от России государством.

В этом Сталину без особого труда удалось убедить участников совещания: «Где же тут единое государство, если у каждой республики остается свой НКВД и НКВДТ? Чем это не конфедерация? [25, с. 264].

4-е совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей отклонило предложения Раковского и его сторонников.

Данное обстоятельство не деморализовало группу Раковского. Более того, украинские национал-коммунисты даже сумели добиться от Сталина уступки в вопросе о союзном гражданстве.

Этот вопрос обсуждался 14 июня 1923 года на заседании расширенной комиссии ЦИКа СССР по выработке Конституции СССР.

И.В. Сталин выступал за единое союзное гражданство, против введения двойного гражданства – союзного и республиканского. Необходимость введения единого союзного гражданства Сталин мотивировал тем, что «когда говорят об установлении гражданства, то хотят установить отношения работника с внешним миром... .. Допустим, что украинский гражданин попадает в Чехословакию или Америку. Считается ли он гражданином и Союза республик и, вместе с тем, гражданином Украины? Ведь украинского аппарата во внешних сношениях нет, кто его защищает?» [34, л. 33].

Требование Сталина о введении единого союзного гражданства было разумным при государственном устройстве, которое формировалось в те годы. Для такой федерации как СССР, введение двойного гражданства могло создать и создавало благоприятную почву для подавления нацменьшинств, не имеющих своего гражданства. Например, лезгины имели в своих паспортах запись «азербайджанец», их вообще лишили не только национальных школ, но и всяких упоминаний в учебниках по истории Азербайджана [35, с. 132].

Чтобы предотвратить подобные беззакония в отношении к нетитульным нациям союзных республик, необходимо было вводить единое гражданство. Но этого не произошло. Нормой Конституции СССР стало двойное гражданство, которое активно защищал украинский национал-коммунист Николай Алексеевич

Скрыпник, настаивавший на том, чтобы «отдельного гражданина» могли «за жабры взять и отдельная республика, и Союз» [34, л. 34].

Последнюю отчаянную попытку получить у Москвы политические уступки группа Раковского предприняла 24 июня 1923 года на заседании Комиссии ЦК РКП (б) по выработке юридических предложений о СССР.

При обсуждении количества общесоюзных наркоматов Раковский вновь предложил перевести из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы иностранных дел и внешней торговли, но проголосовал за данную резолюцию только он сам.

Словно предчувствуя такой поворот событий, Фрунзе предложил перевести из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы путей сообщения, почт и телеграфов, что было также отклонено комиссией против голосов Раковского и Фрунзе.

В итоге комиссия приняла предложение И.В. Сталина считать общесоюзными наркоматы иностранных дел, внешней торговли, военных и морских дел, путей сообщения, почт и телеграфов.

Раковский еще пытался добиться перевода наркоматов продовольствия и Рабоче-крестьянской Инспекции из союзно-республиканских в республиканские, а также выступил против совмещения функций наркомов СССР с функциями наркоматов республик, но и эти предложения были также отклонены [36, лл. 12–14].

Июнь 1923 года ознаменовал собой окончание острейшего партийного кризиса в связи с образованием СССР.

Централистскому крылу партии удалось добиться четкого разграничения полномочий общесоюзной и республиканских властей, что явилось одним из важнейших факторов сохранения политической и территориальной целостности СССР как единого союзного государства.

Все главные противники централистской политики были не только идейно разгромлены, но и нейтрализованы от любых действий, направленных на децентрализацию Советского Союза.

В борьбе с национал-коммунистической оппозицией окрепли и личные позиции И.В. Сталина, продемонстрировавшего качества решительного и гибкого политика, способного на нестандартные шаги и решения.

Тактическая победа над радикалами и самостийниками в 1922–1923 годах еще не означала, что новая российская государственность в форме СССР стратегически застрахована от изоляционистских и сепаратистских тенденций.

Впереди предстояли новые испытания.

Список литературы

1. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.

2. Из истории образования СССР. Документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП (б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму Центрального Комитета партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – №9.

3. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 84.

4. РГАСПИ. – Д. 83.

5. РГАСПИ.

6. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2470.

7. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.

8. Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. – 1995. – №4.

9. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.

10. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 45.

11. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.

12. О жизни и деятельности В.И. Ленина (Воспоминания, письма, документы). Вокруг статьи В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации». – 1990. – №9.

13. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 54.
14. Правда. – 1923.
15. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2522.
16. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 93.
17. РГАСПИ. – Д. 82.
18. Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М., 1968.
19. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №3. – №5.
20. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №4.
21. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №3.
22. Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М., 1968.
23. Сталин И.В. Соч. – Т. 5.
24. Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5.
25. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М., 1992.
26. О так называемой «султан-галиевской контрреволюции» // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №10.
27. Кузнецова Н.А. Там вдали за рекой // Комсомольская правда. 1990.
28. Новые документы В.И. Ленина (1920–1922) // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №4.

29. РГАСПИ. – Ф. 80. – Оп. 6. – Д. 38.

30. РГАСПИ. – Д. 30.

31. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 485.

32. Снесарев А.Е. Афганистан // Русский геополитический сборник. – 1996. – Выпуск 1.

33. ГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 1292.

34. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 3478.

35. Вдовин А.И. Национальная политика большевиков и проблемы самоопределения русского народа // Русский народ: историческая судьба в XX веке. – М., 1993.

36. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 683.

Данильченко Сергей Леонидович – д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ, руководитель научно-методического центра развития образования, советник директора Филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе, Россия, Севастополь.
